

М.О. Гершензон

Мудрость Пушкина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г42

Г42 **Гершензон М.О.**
Мудрость Пушкина / М.О. Гершензон – М.: Книга по Требованию, 2021. –
38 с.

ISBN 978-5-458-15957-9

ISBN 978-5-458-15957-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вл. Соловьевъ ¹⁾ утверждаетъ, что Пушкинъ, болѣе всего дорожа въ своемъ творчествѣ, не считалъ себя поэтомъ, тѣмъ не менѣе признавалъ за себя и признательное воздѣйствіе на общество, ибо «и чистая поэзія приноситъ истинную пользу, хотя не преднамѣренно». Вл. Соловьевъ вкладываетъ въ уста Пушкина такія слова, обращенныя къ толпѣ: «То добро, которое вы цѣните,—оно есть и въ моемъ поэтическомъ запасѣ», и подъ добромъ Соловьевъ разумѣетъ здѣсь: пробужденіе добрыхъ чувствъ и проповѣдь милосердія къ падшимъ.

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій ²⁾ признаетъ Пушкина чистымъ художникомъ («геній по преимуществу объективный») и не приписываетъ ему никакой активной проповѣди, о міровоззрѣніи же его говоритъ слѣдующее: «Что касается *общаго характера и настроенія* лирики Пушкина, то въ этомъ отношеніи нужно различать два періода: въ первомъ, закончившемся во второй половинѣ 20-хъ годовъ, лирика Пушкина характеризуется радостною отзывчивостью на всѣ «впечатлѣнія бытія», свѣтлымъ, оптимистическимъ воззрѣніемъ на міръ и человѣчество, гармоническою уравновѣшенностью поэтическихъ думъ и чувствъ. Лишь изрѣдка проскальзывали у него скорбныя ноты грусти, унынія, разочарованія, чтобы сейчасъ же умолкнуть и утонуть въ яркой жизнерадостности его поэтическаго міросозерцанія. Во второмъ періодѣ, начинающемся въ половинѣ 20-хъ годовъ, эти ноты появляются чаще и звучатъ громче... Великій поэтъ былъ утомленъ жизнью, нашей русской дореформенною жизнью, и рвался «на волю», понимая подъ «волею» личную независимость, свободу отъ свѣтскихъ обязательствъ, отъ дразгъ жизни, отъ всѣхъ удручающихъ впечатлѣній дѣйствительности. Онъ жаждалъ «покоя», внутренняго мира,—и въ этомъ стремленіи онъ доходилъ до рѣзкаго протеста противъ обязательствъ, какія предъявляютъ человѣку общество, среда, «свѣтъ», публика, государство. Онъ переживалъ полосу рѣзкаго, раздражительнаго, капризно-обидчиваго индивидуализма. Но несомнѣнно, что это не было у него *принципомъ*, не входило въ систему его убѣжденій, это было только *настроеніемъ*... Ссора поэта съ толпою была лишь эпизодомъ въ исторіи его разлада съ дѣйствительностью, однимъ изъ

¹⁾ Вл. Соловьевъ, «Значеніе поэзіи Пушкина», В. Евр. 1899 г. декабрь, стр. 709—711.

²⁾ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, «А. С. Пушкинъ: Произведенія въ стихотворной формѣ»—въ «Исторіи рус. литер. XIX в.», изд. Г-ва Миръ, вып. 5, 1908 г., стр. 373—376.

выраженій—и притомъ наименѣе удачныхъ—той душевной отчужденности отъ всего окружающаго, которая овладѣвала гениемъ Пушкина»...

Таковы наиболѣе авторитетныя и вліятельныя сужденія о поэзіи Пушкина за 70 лѣтъ. Какъ ни велики разногласія между ними, въ одномъ они сходятся (и этотъ приговоръ есть общій приговоръ минувшихъ поколѣній, онъ тысячеголосымъ эхомъ перекликается во всей литературѣ о Пушкинѣ): вольно или невольно, Пушкинъ дѣятельно служилъ такъ называемому общественному прогрессу; несмотря на всѣ уклоненія, общій итогъ его творчества долженъ быть признанъ безусловно положительнымъ въ смыслѣ соответствія основнымъ задачамъ культуры, такъ какъ его поэзія своей формою и содержаніемъ сѣтъ въ душахъ сѣмена правды, любви, милосердія, чуткости къ красотѣ и добру. Однимъ словомъ, *человѣчество строитъ на землѣ величественный храмъ разумаго и любовнаго общежитія, и Пушкинъ былъ и остается однимъ изъ полезнѣйшихъ участниковъ этой зидительной работы.*

Было бы празднымъ дѣломъ разбирать и оспаривать доводы, на которые опирается эта оцѣнка. Ежели мы, нынѣшнее поколѣніе, видимъ иное въ поэзіи Пушкина, не лучше ли высказать наше новое пониманіе прямо? Та оцѣнка была, безъ сомнѣнія, вполне добросовѣстна; но наше право и наша обязанность—прочитать Пушкина собственными глазами и въ свѣтѣ нашего опыта опредѣлить смыслъ и цѣнность его поэзіи.

3.

Наши символисты не правы, когда утверждаютъ, что искусство бываетъ двухъ родовъ: символическое, т. е. открывающее тайны,—и только плѣнительное. Нѣтъ: всякое искусство открываетъ тайны, и всякое въ своемъ совершенствѣ непремѣнно плѣнительно.

Дѣло художника—выразить свое видѣніе міра, и другой цѣли искусство не имѣетъ; но таковъ таинственный законъ искусства, что видѣніе во-внѣ выражается тѣмъ гармоничнѣе, чѣмъ оно само въ себѣ своеобразнѣе и глубже. Здѣсь, въ отличіе отъ міра вещественнаго, внѣшняя прелесть есть безошибочный признакъ внутренней правды и силы. Плѣнительность искусства—та гладкая, блестящая, переливающая радугой ледяная кора, которую какъ бы остываетъ огненная лава художнической

души, соприкасаясь съ наружнымъ воздухомъ, съ явью. Или иначе: пѣвучесть формы есть плотское проявленіе того самаго гармоническаго ритма, который въ духѣ образуетъ видѣніе. Но какъ бы ни описывать это явленіе, оно навсегда останется непостижимымъ. Ясно только одно: чѣмъ сильнѣе кипѣніе, тѣмъ блестяще и радужнѣе форма.

Эта внѣшняя плѣнительность искусства необыкновенно важна: она играетъ въ духовномъ мірѣ ту же роль, какую въ растительномъ царствѣ играетъ яркая окраска цвѣтка, манящая насѣкомыхъ, которымъ предназначено разносить цвѣточную пыль. Пѣвучесть формы привлекаетъ инстинктивное вниманіе людей; еще не зная, какая цѣнность скрыта въ художественномъ созданіи, люди безотчетно влекутся къ нему и воспринимаютъ его ради его внѣшнихъ чаръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ блестящая ледяная кора скрываетъ отъ нихъ глубину, дѣлаетъ ее недоступной; въ этомъ—мудрая хитрость природы. Красота—приманка, но красота—и преграда. Прекрасная форма искусства всѣхъ манитъ явнымъ соблазномъ, чтобы весь народъ сбѣгался глядѣть; и истиннѣ красота никого не обманетъ; но слабое вниманіе она поглощаетъ цѣликомъ, для слабаго взора она непрозрачна: онъ осужденъ тѣшиться ею одной,—и развѣ это малая награда? Лишь взоръ напряженный и острый проникаетъ въ нее и видитъ глубины, тѣмъ глубже, чѣмъ самъ онъ острѣй. Природа оберегаетъ малыхъ дѣтей своихъ, какъ щенятъ, благодѣтельной слѣпотой. Искусство даетъ каждому вкушать по силамъ его,—одному всю свою истину, потому что онъ созрѣлъ, другому часть, а третьему показываетъ лишь блескъ ея, прелесть формы, для того, чтобы огнепаляющая истина, войдя въ неокрѣпшую душу, не обожгла ее смертельно и не разрушила ея молодыхъ тканей.

Такъ и поэзія Пушкина таитъ въ себѣ глубокія откровенія, но толпа легко скользитъ по ней, радуясь ея гладкости и блеску, упиваясь безъ мысли музыкой стиховъ, четкостью и красочностью образовъ. Только теперь, чрезъ столько лѣтъ, мы начинаемъ видѣть эти глубины подо льдомъ и учимся познавать мудрость Пушкина сквозь ослѣпительное сверканіе его красоты.

Въ наукѣ разумъ познаетъ лишь отдѣльные ряды явленій, какъ раздѣльны наши внѣшніе органы чувствъ; но есть у человѣка и другое знаніе, цѣлостное, потому что цѣлостна самая личность его, въ которой отражается міръ. И это высшее знаніе присуще всѣмъ безъ изъятія, во всѣхъ полное и въ каждомъ иное; это цѣлостное видѣніе міра несознаваемо-реально въ ка-

ждой душѣ и властно опредѣляетъ ея бытіе въ желаніяхъ и оцѣнкахъ. Оно также—плодъ опыта, и обладаетъ всей увѣренностью опытнаго знанія. Между людьми нѣтъ ни одного, кто не носилъ бы въ себѣ своего, непримѣрнаго, неповторимаго видѣнія вселенной, какъ бы тайнописи вещей, которая, констатируя сущее, изъ него же узаконяетъ долженствованіе. И не знаемъ, что оно есть въ насъ, не умѣемъ видѣть, какъ оно чуднымъ зоромъ выступаетъ въ нашихъ разрозненныхъ сужденіяхъ и поступкахъ; лишь изрѣдка и на мгновеніе озаритъ человѣка его личная истина, горящая въ немъ потаенно, и снова пропадетъ въ глубинѣ. Только избранныкамъ дано длительно созерцать свое видѣніе хотя бы не полностью, въ обрывкахъ цѣлаго; и это зрѣлище опьяняетъ ихъ такой радостью, что они какъ бы въ бреду спѣшатъ повѣдать о немъ всему свѣту. Оно неизобразимо въ понятіяхъ; о немъ можно рассказать только безсвязно, уподобленіями, образами. И Пушкинъ въ образахъ передалъ намъ свое знаніе; въ образахъ оно тепло укрыто и пріятно на видъ; я же ѳнимаю его изъ образовъ, и знаю, что, вынесенное на дневной свѣтъ, оно покажется страннымъ, а можетъ быть и невѣроятнымъ.

4.

Пушкинъ былъ европеецъ по воспитанію и привычкамъ, образованный и свѣтскій человѣкъ 19-го вѣка. И всюду, гдѣ онъ высказывалъ свои сознательныя мнѣнія, мы узнаемъ въ нихъ просвѣщенный, рационально-мыслящій умъ. Въ идеяхъ Пушкинъ—нашъ ровесникъ, плоть отъ плоти современной культуры. Но странно: творя, онъ точно преображается; въ его знакомомъ, европейскомъ лицѣ проступаютъ пыльныя морщины Агасѣера, изъ глазъ смотритъ тяжелая мудрость тысячелѣтій, словно онъ пережилъ всѣ вѣка и вынесъ изъ нихъ увѣренное знаніе о тайнахъ. Въ своей поэзіи онъ мертвъ для современности. Что ему дневныя страсти и страданія людей, волненія народовъ? Все, что случается, случалось всегда и будетъ повторяться вѣчно; мѣняются радужныя формы, но сущность остается та же и отъ вѣка неизмѣнны міръ и человѣкъ. Въ несмѣтно-разнообразныхъ явленіяхъ жизни все вновь и вновь осуществляются немногія закономерности, съ виду такія простыя,—повторяются извѣчныя были; и человѣкъ знаетъ это, давно разгадалъ однообразіе и безысходность своихъ судебъ, и съ незапамятныхъ временъ

какъ бы самъ себѣ неустанно твердить правду роковыхъ опредѣлений. Эту древнюю правду носить въ себѣ Пушкинъ; эти немногія повторныя были онъ видитъ въ событіяхъ дня. Онъ безпримѣрно-индивидуаленъ въ своемъ созерцаніи, и однако чрезъ его мышленіе течетъ потокъ ветхозавѣтнаго опыта.

Пушкинъ—язычникъ и фаталистъ. Его извѣстное признаніе, что онъ склоняется къ атеизму, надо понимать не въ томъ смыслѣ, будто въ такой-то моментъ своей жизни онъ сознательно отрекся отъ вѣры въ Бога. Нѣтъ, онъ такимъ родился; онъ просто древнѣе единобожія и всякой положительной религіи, онъ какъ бы сверстникъ охотникамъ Месопотаміи или пастухамъ Ирана. Въ его духѣ еще только накопленъ матеріалъ, изъ котораго народы позднѣе, въ долгомъ развитіи, выкуютъ свои вѣроченія и культы. Этотъ матеріалъ, накопленный въ немъ, представляетъ собою нѣсколько безотчетныхъ и неоспоримыхъ увѣренностей, которыя логически связаны между собою словно паутинными мостами и образуютъ своего рода систему.

Самый общій и основной догматъ Пушкина, опредѣляющій все его разумѣніе, есть увѣренность, что бытіе является въ двухъ видахъ: какъ полнота, и какъ неполнота, ущербность. И онъ думалъ, вполнѣ послѣдовательно, что полнота, какъ внутренне-насыщенная, пребываетъ въ невозмутимомъ покоѣ, тогда какъ ущербное непрестанно ищетъ, рыщетъ. Ущербное вѣчно терзаемо голодомъ, и оттого всегда стремится и движется; оно одно въ мірѣ дѣйствуетъ.

Эта основная мысль Пушкина представляла какъ бы канонъ, которому неизмѣнно, помимо его воли, подчинялось его художественное созерцаніе. Всюду, гдѣ онъ изображалъ совершенство, онъ показывалъ его безстрастнымъ, пассивнымъ, неподвижнымъ. Такимъ изображенъ райскій духъ въ стихотвореніи «Ангель»: онъ только есть, но абсолютно недвижимъ, даже не смотритъ, потому что и взглядъ—уже дѣйствіе: онъ въ дверяхъ Эдема сіяетъ поникшею главою. Летаетъ, смотритъ и говоритъ, движимый внутренней тревогой, демонъ, олицетвореніе неполноты. Если бы спросить Пушкина, что же такое Богъ?—онъ долженъ былъ бы отвѣтить: Богъ—на послѣдней ступени, выше ангеловъ, потому что ангеламъ еще присуще бытіе, которое есть все же наименьшая дѣйственность; Богъ—абсолютное небытіе. Рисуя совершенную красоту, Пушкинъ неизмѣнно скажетъ: «все въ ней гармонія», и представитъ ее въ состояніи полного покоя: «Она покоится стыдливо въ красѣ торжественной своей». Такъ же

изобразить онъ и Марію въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»; онъ показываетъ ее и намъ, и Заремѣ спящую: она «покоилась», «казалось, ангель почиваль», и пробужденная Заремой она почти не смотритъ, не слышитъ, не говоритъ; она — ангельской природы; но дѣйствуетъ пылко, крадется въ ночи, и смотритъ, и грозитъ — волнуемая страстью Зарема. Въ ней нѣтъ самобытной полноты, ей нужна для завершенности любовь Гирея. Бездѣйственъ Моцартъ, исполненный небесныхъ силъ, и ничего не жаждетъ на землѣ, но дѣйствовалъ всю жизнь и предъ нами дѣйствуетъ, убиваетъ Моцарта, Сальери, которому данъ неполный даръ, болѣе гнетущій, чѣмъ ничего. Поэтому и Татьяна на высотѣ своей представлена въ состояніи покоя. Каковы бы ни были мотивы, побудившіе Пушкина выдать ее замужъ помимо ея воли и вложить въ ея уста слова отреченія — несомнѣнно, тайнымъ фокусомъ всѣхъ его соображеній былъ предносившійся ему зрительный образъ Татьяны. Весь романъ есть собственно исторія двухъ встрѣчъ Татьяны и Онѣгина — въ саду и въ гостиной. Въ молодости ущербная Татьяна вспыхнула страстью, и въ страсти дѣйствовала; теперь она созрѣла до полноты и бездѣйствія. Въ представленіи Пушкина активность помрачила бы ея идеальный обликъ; рѣшивъ она дѣйствовать, — оставить мужа, и пр. — она измѣнила бы своей природѣ. Въ полномъ расцвѣтѣ своемъ Татьяна должна была явиться бездѣйственной (—и Пушкинъ въ концѣ поэмы интуитивно все вновь и вновь подчеркиваетъ ея безмятежность, «покой») — какъ Онѣгинъ, напротивъ, долженъ былъ явиться алчущимъ и страстнымъ, ибо только такъ вполне проявлена ихъ противоположная сущность. И оттого же, наконецъ, по мысли Пушкина, «геній и злодѣйство — двѣ вещи несомнѣстныя», потому что геній — полнота, т. е. бездѣйственность, а злодѣйство какъ разъ — бѣшенство дѣйствованія, не знающее никакихъ границъ, рожденное послѣднимъ голодомъ.

Что же это? Значитъ въ Пушкинѣ ожилъ древній дуализмъ Востока, и опять онъ дѣлитъ людей на дѣтей Ормузда и дѣтей Аримана? Но вѣдь съ тѣхъ поръ человекъ увидаль надъ двойственностью первоначальнаго опыта небесный куполъ и постигъ все сущее какъ единство въ Богѣ; и вѣдь прозвучала же въ мирѣ вѣсть о спасеніи, указавшая грѣшной душѣ въ ней самой открытую дверь и лѣстницу для восхожденія въ совершенство. — Но Пушкинъ ничего этого не знаетъ. Для него полнота и ущербъ — два вѣчныхъ начала, двѣ необратимыя категоріи. Онъ вѣритъ, что полнота — даръ неба и не стяжается усилиями; ущербное

бытіе обречено неустанно алкать и дѣйствовать, но оно никогда не наполнится по волѣ своей.

5.

Пушкинъ многократно, въ разныхъ видахъ, изображалъ встрѣчу неполноты съ совершенствомъ. Самая мысль сводить ихъ лицомъ къ лицу показываетъ, что онъ зналъ между ними какія-то отношенія. Я остановлюсь на трехъ такихъ встрѣчахъ. Эти три разсказа помогутъ намъ яснѣе уразумѣть его свидѣтельство. Именно, онъ утверждаетъ, что полнота излучаетъ нѣкій свѣтъ, и что ушербное воспріимчиво къ этимъ лучамъ. Отсюда ясно, во-первыхъ, что полнота, по мысли Пушкина, не совершенно пассивна; она не дѣйствуетъ только изъ своей индивидуальной воли, у нея такой воли вовсе нѣтъ, но самое ея бытіе есть проявленіе и дѣйствіе высшей силы. Во-вторыхъ, и неполное не безусловно замкнуто: оно не можетъ не раскрываться, когда его касается сіяніе полноты, не можетъ не принимать въ себя ея лучей. И вотъ Пушкинъ рисуетъ три такихъ встрѣчи. Первая—въ стихотвореніи «Ангель»: демонъ, глядя на ангела, впервые познаетъ жаръ умиленія. Это — наилучшая встрѣча; обаяніе совершенства взволновало демона, но его волненіе разрѣшается само въ себѣ, не переходитъ въ дѣйствіе, и бездѣйствіемъ демонъ на мгновеніе пріобщенъ къ ангельскому бытію. Умиленіе благочестиво и мудро, ибо оно утверждаетъ полноту, какъ высшую себя, и не притязаетъ смѣшаться съ нею, что и невозможно. Вторая встрѣча—въ послѣдней пѣснѣ «Онѣгина». Въ окончательной зрѣлости своей Татьяна и Онѣгинъ противостоятъ другъ другу, какъ ангелъ и демонъ на землѣ, и Онѣгинъ, терзаемый своей неполнотой, гонимый ею по свѣту,—какъ демонъ, летающій надъ адскою бездною, — Онѣгинъ въ созерцаніи Пушкина неизбѣжно уязвленъ обаяніемъ Татьяны. Въ немъ загорается чувство, какъ въ демонѣ, но иное; онъ дѣйствуетъ,—всюду ищетъ Татьяну, пишетъ ей, молить о любви; его чувство — не безгрѣшное умиленіе демона: его чувство активно, т.-е. причастно несовершенству. Это худшая встрѣча. Любовь кощунственна и близорука: она мнитъ свое несовершенное бытіе вполне однороднымъ съ полнотою и оттого посягаетъ на сліяніе съ нею, что невозможно; и дѣйствуя съ цѣлью осуществить свой кощунственный и безнадежный замыселъ, она тѣмъ самымъ и себя еще болѣе закрѣпощаетъ непол-

нотѣ, и вовлекаетъ въ движеніе, въ дѣйствіе, т. е. въ ущербность, предстоящее ему совершенство. Наконецъ, третья встрѣча, худшая изъ всѣхъ,—когда явленіе Моцарта возбуждаетъ Сальери къ максимальной активности, къ злодѣйству. Зависть нечестива и уже совѣмъ слѣпа; она полагаетъ свою ущербность единственно-законной формой бытія, а полноту считаетъ неправой случайностью, и оттого силится разсвѣять явленіе полноты. Но это—безуміе: явленіе полноты—только проявленіе нѣкоего Цѣлаго, Большаго; можно устранить конкретное явленіе полноты, но не силу, родившую его и рождающую вѣчно. А своимъ безумнымъ дѣйствіемъ ущербное уже окончательно ввергло себя въ неутолимую тревогу, въ неисходную дѣятельность.

6.

Итакъ, по мысли Пушкина, ущербный безсиленъ исцѣлится произвольно. Всякое желаніе и дѣйствіе проистекаетъ изъ ущербной природы; поэтому взлкаявъ совершенства и домогаясь его, ты этимъ новымъ желаніемъ и дѣйствіемъ только глубже погружаешь себя въ ущербность. Знай же, что ты заключенъ въ порочный кругъ, и не суживай его усилиями выступить за окружность. Напротивъ, смиряйся предъ совершенствомъ, созерцай его безкорыстно; тогда, бездѣйствіемъ умиленія, ты хоть мимолетно вступаешь въ покой совершенства. Пушкинъ трогательно любилъ это чувство, лелѣялъ его въ себѣ и съ любовью изображалъ въ другихъ. Самое слово «умиленіе» онъ повторялъ многократно. Онъ зналъ терзанія совѣсти, «змѣи сердечной угрызенья», но его раскаянье всегда молитвенно и смиренно. Таковы строфы «Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день»; таковъ его отвѣтъ Филарету, чистая пѣснь сокрушенія и благоговѣнья предъ святостью:

Я лить потоки слезъ нежданныхъ
И язвамъ совѣсти моеи
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей...
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Этотъ священный ужасъ—то самое чувство, которое испыталъ демонъ, созерцая ангела. Умиленіе внушаетъ Пушкину его Мадонна, «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ»; и всюду,

гдѣ ему являлось, хотя бы въ тѣлесномъ образѣ, совершенство,—оно исторгало у него такое признаніе; онъ «благоговѣть богомольно передъ святыней красоты», его душа трепещетъ «предъ мощной властью красоты». Даже его свирѣпый Гирей обезоруженъ святою невинностью Маріи. Поэзія Пушкина исполнена умиленіемъ, каждый его взглядъ на прекрасное и каждое слово о немъ суть умиленіе. Какъ Пушкинъ мыслить о совершенствѣ и созерцать красоту—по истинѣ, «ангелъ Рафаэля такъ созерцаетъ божество».

А въ основаніи этого свѣтлаго чувства лежала у него страшная увѣренность въ неисцѣлимости ущербнаго бытія. Какая убійственная и какая опасная мысль! Она повергаетъ грѣшнаго въ отчаяніе и парализуетъ его волю. Зачѣмъ стремиться къ святости, когда это стремленіе и тщетно, и грѣховно? Пушкинъ не только не вѣритъ въ возможность нравственнаго совершенствованія: онъ еще осуждаетъ и запрещаетъ его. Двадцать столѣтій люди исповѣдуютъ противоположный догматъ: грѣхъ исцѣлимъ; захоти и исцѣлишься. Споръ идетъ на протяжении вѣковъ лишь о способахъ исцѣленія: дѣлами ли спасается грѣшникъ, или вѣрою. Но и подъ вѣрою обычно понимали нѣкое дѣйственное состояніе, пусть только духовное, именно, стремленіе къ совершенству, упорное алканіе его. Пушкинъ всѣмъ своимъ умозрѣніемъ проповѣдуетъ квіетизмъ: оставайся въ грѣхѣ, не прибавляй къ своимъ желаніямъ новаго и страстнѣйшаго изъ желаній—желанія избавиться отъ желаній, что и есть святость. Какое поразительное открытіе! Не арабская ли кровь влила въ артеріи Пушкина это знаніе первобытныхъ душъ, живучее темное знаніе, которое, какъ безсмертный змѣй, влачится до насъ чрезъ тысячи и тысячи поколѣній, то зарываясь въ иль невидимо, то всплывая на поверхность сознанія? Дикарь, Кальвинъ и Пушкинъ—что соединило ихъ въ тождественномъ пониманіи міра?

7.

Но Пушкинъ еще не досказалъ своихъ откровеній. Слово отвѣчая на естественный вопросъ: какъ возможны въ несовершенномъ умиленіе, любовь и зависть, т. е. какъ возможно вообще, что совершенство воздѣйствуетъ на ущербное, вызываетъ въ немъ движеніе,—Пушкинъ отвѣчаетъ: иначе не можетъ быть, ибо ущербное въ самомъ себѣ имѣетъ потенциальную полноту,—

оно одноприродно съ совершенствомъ (и въ этомъ смыслѣ любовь отчасти права). Одна и та же сущность, тамъ воплощенная, здѣсь замкнута какъ бы проклятіемъ. Есть святыня, есть сила на днѣ мятущейся души. Такъ, въ уединеніи ты познаешь «часы неизъяснимыхъ наслажденій».

Они даютъ намъ знать сердечну глубь;
Въ могущество и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не-смертныя, таинственныя чувства.

Какъ кладъ, лежатъ онѣ въ душѣ, «не-смертныя, таинственныя чувства», и въ лучшія твои минуты ты можешь созерцать его. Это не полнота, а только предощущеніе ея. Человѣку не дано усиленіемъ воли оживлять въ себѣ дремлющую силу, такъ, чтобы она наполнила его, но уже и знать ее въ себѣ есть счастье. По увѣренію Пушкина, она самовластна и не покорна сознанию; она подчинена какимъ-то особеннымъ законамъ.

И вотъ Пушкинъ изслѣдуетъ самочинное бытіе этой загадочной силы. Если вообще сознательная сторона душевной жизни наименѣе интересуетъ его, а преимущественное и страстное вниманіе онъ направляетъ на бессознательную дѣятельность духа, то всего напряженнѣе, съ ненасытной жадностью, онъ вникаетъ въ природу послѣдней стихіи, совѣмъ закутанной въ ночь.

По его мысли, ущербная личность не скудна, но стихійная воля въ ней какъ бы связана. Здѣсь сила хлопочетъ на днѣ; душа безнадежно алчетъ наполниться ею и мятется въ вѣчномъ голодѣ. Что связываетъ стихію? Пушкинъ опредѣленно отвѣчаетъ: разумъ. Ущербность представляется Пушкину болѣзнью, когда внутри личности образовалось какъ бы противотеченіе, которое отгѣсняетъ назадъ кипящій потокъ и держитъ его въ безплотномъ плѣну. Но случается изрѣдка, стихія вдругъ, точно вулканическимъ взрывомъ, наполняетъ душу. Ничто такъ не волнуетъ Пушкина, какъ зрѣлище этихъ потрясающихъ изверженій, и строфы, гдѣ онъ повѣствуетъ о нихъ, — безъ сомнѣнія, вершины его поэзіи; нигдѣ больше онъ не воспарялъ вдохновеніемъ такъ высоко, и нигдѣ не видѣлъ съ такой орлиной зоркостью.

8.

По созерцанію Пушкина формы бытія располагаются въ видѣ лѣстницы, гдѣ на самомъ верху, какъ бытіе блаженнѣйшее